

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первая половина XX в. — время нестабильности и социально-политических катаклизмов. Сложность эпохи привела к дискретности развития сообщества научной школы Московского университета. Представляется целесообразным выделить следующие этапы: 1) 1890-е — вторая половина 1900-х гг., когда происходило становление историков как профессионалов; 2) вторая половина 1900-х — 1917 г. — время, когда историки младшего поколения Московской исторической школы смогли заявить о себе фундаментальными исследованиями; 3) годы революций и Гражданской войны, которые хотя и не повлияли заметным образом на исследовательскую практику, но стали определяющим рубежом в судьбах исторического сообщества; 4) 1920-е гг. — период сосуществования историков «старой школы» и первого поколения советских историков. Период закончился «Академическим делом»; 5) 1930-е гг. — время возвращения в историческую науку; 6) 1940–1950-е гг., когда московские историки невольно стали участниками идеологических кампаний «позднего сталинизма». Очевидно, что в более обобщенной периодизации поворотным пунктом становятся революции 1917 г., которые как бы разрезают судьбы историков (в том числе и московских). В то же время нельзя делать радикального различия в двух периодах научных биографий историков Московской школы. Их творчество стало связующим звеном между дореволюционной и советской исторической науками.

Научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина представляло собой, с одной стороны, продолжение традиций Московской исторической школы, а с другой — ряд новаций, которые позволяют рассматривать их деятельность как особый этап в эволюции московского исторического сообщества. Указанная группа историков обладала достаточной устойчивостью. В то же время не все в ней занимали одинаковые позиции. Готье был самым старшим из этих историков и являлся как бы связующим звеном между ними и старшим поколением. Веселовский, выпускник юридического университета, привнес множество свежих идей, хотя и отличался личной замкнутостью. Цементировал их личные отношения, которые нередко портились, Яковлев, обладавший умением ладить с людьми разных характеров. Бахрушин активно учился у своих более опытных коллег.

Спецификой данного научного сообщества было то, что их творчество формировалось не только под влиянием идей В.О. Ключевского и П.Г. Виноградова, но и их учеников. На научное мировоззрение

Готье, Веселовского, Яковлева и Бахрушина оказали большое влияние М.К. Любавский, П.Н. Милюков и Н.А. Рожков. Они продолжили реализацию концептуальных идей Ключевского, методических принципов Виноградова и новшеств, внесенных их учениками старшего поколения. В наибольшей степени под обаянием концепции Ключевского оказались Готье и Яковлев. Их монографии, по сути, служили делу конкретизации концептуальных идей учителя. Бахрушин (в том числе и в силу того, что он был самым молодым из этих историков) больше других старался пересмотреть наследие Ключевского, подвергнув ревизии его концепции. Что касается Веселовского, то он во многом пошел по оригинальному пути, став автором новаций в рядах московских историков его поколения.

Все это сформировало особый исследовательский почерк. Среди особенностей можно указать:

1) значительно более заметный интерес к экономической проблематике, выразившийся в концентрации на исследовании податной системы, социально-экономических процессов;

2) стремление к созданию новой архитектоники исследовательского текста, строящегося на принципах повышенной фундированности, в то же время ведущей к снижению художественности текста;

3) активную работу московских историков младшего поколения в сфере археологии, что было не свойственно их предшественникам;

4) интерес к исторической психологии, антропологическим аспектам отечественной истории;

5) концентрация исследовательского интереса преимущественно на XVI–XVII вв., вызванная особой актуальностью этого периода в условиях реформирования Российской империи и революционных событий. Переходный период диктовал концентрацию на исследовании таких же переходных этапов в русской истории;

6) повышенное внимание к XVI–XVII вв. способствовало сближению с петербургскими историками, которые, после работ С.Ф. Платонова, были лидерами в этой сфере. На протяжении всего начала XX в. наблюдается устойчивое сближение проблематики и методики исторического исследования представителей Московской и Петербургской исторических школ.

Указанные отличия младшего поколения Московской исторической школы формировались не столько путем дальнейшей эволюции самой школы (школа как научный институт скорее нацелена на сохранения традиций), сколько в русле общего развития отечественной исторической науки в начале XX в. Именно влияние новых тенденций в историографии стало основой для разграничения для московских историков конца XIX в. и историков начала XX в. Историки младшего поколения вносили

те новые веяния, которые отчетливо проявились в начале XX в. в мировой и отечественной науке. В своем творчестве они чутко реагировали на новации в сфере исторической науки.

В общественно-политическом мировоззрении Готье, Веселовского, Яковлева и Бахрушина преобладали черты либерального консерватизма («веховской идеологии»), строящегося на идеях продуманного реформирования, государственнической позиции, ответственности личности, частной собственности и правовом режиме. Такую позицию сформировал их исторический опыт (паттерн), где ключевыми событиями стали Первая русская революция и революции 1917 г., а затем и Гражданская война.

После установления советской власти историки Московской школы младшего поколения стали для новой власти историками «старой школы». Тем не менее в непростых условиях они продолжили свою деятельность. Под влиянием прошедших событий произошли заметные сдвиги в их научной работе. Так, Готье сосредоточился на работах археологического характера, Яковлев — на археографии, Веселовский — на обобщающих трудах. На 1920-е гг. приходится период научной активности Бахрушина. В то же время нестандартные условия только сблизили историков, отодвинув на задний план разногласия. Страшным ударом по академическому сообществу стало «дело историков» 1930 г. Оно существенно изменило психологический климат в их среде. После этого наблюдается распад некогда единой группы.

Одни историки старались всячески адаптироваться к советской исторической науке. В той или иной степени это проявилось в творчестве Бахрушина и Яковлева. Первый в итоге принял и советский строй. По мере принятия новых правил игры, рос и научный и общественный статус историка. Готье также вынужден был приспособливаться к новым требованиям, хотя ни сложившаяся научная культура, ни возраст уже не позволяли резко перестроиться. Принципиальную позицию занял Веселовский, демонстративно не принимавший советский марксизм.

Окончательно разрушили былые связи идеологические кампании 1940–1950-х гг. Здесь человеческая порядочность регулярно давала сбои, что превратило старых друзей и коллег в непримиримых противников. В этом смысле путь московских историков совпал с общими судьбами научно-исторического сообщества.

Несмотря на все перипетии, историки Московской школы младшего поколения оставили блестящее научное наследие, определившее развитие отечественной медиевистики на многие десятилетия. Он и воспитали плеяду выдающихся исследователей, тем самым своими судьбами в очередной раз продемонстрировав тот факт, что историческая наука развивается путем бережного сохранения своих традиций.